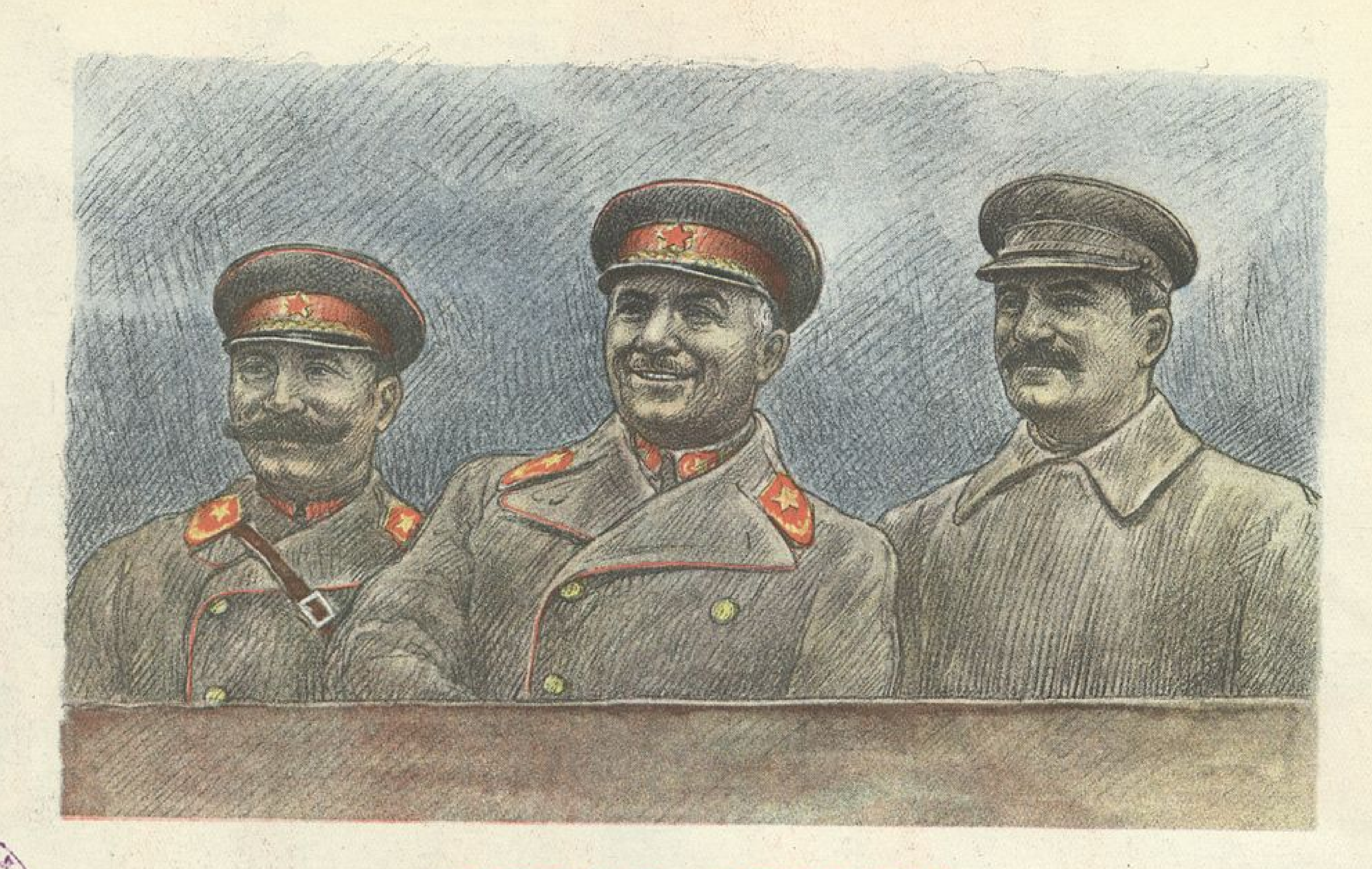

Мурзилка

№ 10
ОКТЯБРЬ
1940
ГОД ИЗДАНИЯ
СЕМНАДЦАТЫЙ

ОРГАН ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

БОЕВАЯ ДРУЖБА

Два раза в году, в праздники Октября и Мая, на Красной площади в Москве выстраиваются отряды Красной армии и Военно-морского флота. Начинается парад. Бойцы идут торжественным маршем, держа равнение направо, не сводя глаз с мавзолея Ленина. Там стоят три друга, три боевых товарища: Сталин стоит там, а с ним Ворошилов и Буденный. Друзья, соратники, руководители партии и правительства.

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН. Верный друг и соратник Ленина, великий друг и учитель советского народа. Сталин вместе с Лениным создали Красную армию, вооружили ее, воспитали, сделали непобедимой. В самые тяжелые дни гражданской войны на самые тяжелые и опасные фронты партия посылала Сталина. И всюду, где появлялся Сталин, Красная армия побеждала. С именем Сталина наши бойцы громили врага у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, помогали белоруссам и украинцам освободиться от польских панов, выбивали белофиннов из укреплений. „За родину! За Сталина!" — вот клич, с которым шла в бой наша Красная армия.

КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ. Старый большевик, луганский слесарь, ближайший друг Сталина, знаменитый полководец, любимец народа, первый маршал Советской страны и председатель Комитета обороны при СНК СССР. Он вместе со Сталиным защищал от белых красный Царицын. Вместе со Сталиным укреплял Красную армию. Вместе со Сталиным не щадил он своей жизни, чтобы добиться победы. Не раз ему грозила смерть в боях. Но всегда смелость и находчивость Ворошилова побеждали! Сталин и Ворошилов — два боевых друга — создали самую могучую в мире, славную Красную армию.

СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ БУДЕННЫЙ. Прославленный всадник из сальских степей, знаменитый командарм красной конницы, маршал Советского Союза, первый заместитель наркома обороны СССР. По совету Сталина, вместе с Ворошиловым он повел в бой первую в мире Красную Конную армию. По слову Ленина и Сталина, под командой Буденного и Ворошилова лихие кавалеристы-буденновцы поспевали на все фронты, рубили белых генералов, атаманов, бандитов и польских панов.

Много, горячо и смело пришлось работать, сражаться, учиться трем товарищам! И друзья то сходились в одном боевом строю и рядом мчались в бой, то расставались, чтобы крушить врагов на разных фронтах.

Прошли годы. Красная армия стала самой сильной армией в мире. И в дни наших праздников снова встречаются на Красной площади три боевых товарища. На мавзолее Ленина стоят три отважных боевых товарища. Бойцы и народ идут мимо мавзолея, приветствуют великого Сталина и его верных друзей.

На обложке:
„НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА".
Рисунок В. Житенева.

Как брали Зимний дворец

(Рассказ рядового бойца)

Г. Иванов
Рисунки В. Цельмера

Мы шли из Кронштадта на небольшом катере. День был пасмурный — серое небо, серое море. В борт хлестала тяжелая осенняя волна.

Раскачиваясь с боку на бок, катер медленно подвигался к утонувшей в сером тумане громаде Питера.

Рядом со мной, навалившись на борт, стоял мальчик лет четырнадцати-пятнадцати — юнга.

— Тебя-то куда несет? — сказал ему кто-то из моряков.

— Туда же, куда и тебя, — бойко ответил мальчик.

Серые глаза его выражали смущение и тревогу.

— Я здесь с отцом, — сказал он, обращаясь ко мне, как бы ища поддержки.

— Ага! С отцом, — сказал я, только для того чтоб поддержать разговор. — Ну, это хорошо... А ты бывал в Питере?

— Нет.

— Значит, увидишь. Интересно!

— А то и не увидишь... Как знать! — спокойно заметил все тот же матрос. — Того гляди, нас встретят свинцовым горохом... Как знать! — повторил он. — Пуля-то дура...

Мальчик удивленно взглянул на моряка, обвешенного оружием, но ничего не сказал.

— Не боишься? — спросил я.

— Нет, я ничего не боюсь, — сказал он поспешно.

— Он у меня ничего не боится, — подтвердил пожилой матрос, стоявший тут же, на носу катера.

Матрос подошел поближе к нам и еще раз сказал:

— Он у меня храбрый парень... Правда, Миша?

Мальчик кивнул.

— Только, пожалуй, верно — с винтовкой ему тяжело будет, — в раздумье заметил отец.

— Мне тяжело? — обиделся юнга. Запнулся и не знал, что говорить дальше.

— Ладно! Ты не беспокойся, — сказал отец. — Не беспокойся... Ты хорошо умеешь стоять в карауле.

Шли мы долго, и было холодно. Отец Миши ежился, затягивал пояс на толстой шинели потуже, а пояс не слушался, и ему нужно было снова и снова вынимать и опять пристраивать за поясом поудобнее бомбы-бутылки.

Когда мы высадились в устье Невы, была середина дня. Мы захватили беспризорный грузовик, стоявший у пустого здания, но никто не решался его вести — не умели.

— Позвольте мне! — сказал Миша.

— Ха! Правильно! — сказал отец. — И как это я сразу не догадался: ведь он отлично ведет машину.

К всеобщему удовольствию, мы действительно скоро отправились.

В городе было пустынно. Прохожие встречались редко, только у лавок стояли большие очереди.

На другой день, ближе к вечеру, я встретил Мишу на одной из центральных улиц.

— Ну как? — спросил я.

— Ждем приказа наступать, — сказал он с гордостью.

Моряки, расставив пирамидами свои винтовки, грелись у костров. Всюду — вдоль улиц, во дворах, в подворотнях — рядами и кучками стояли войска, вперемежку с красногвардейцами, а справа большим лагерем лежало огромное Марсово поле.

В Зимнем дворце заседало буржуазное правительство Керенского.

Вокруг огромного здания лежали штабеля дров и шпал, а за ними скрывались казаки, юнкера и офицеры. Рядом стояли броневики. А во дворе находился женский батальон и еще какие-то части. На баррикадах, на крыше дворца и в окнах стояли приготовленные к бою пулеметы.

Никто из нас, понятно, не знал, что происходило в стенах мрачного темно-красного здания. Появление человека за мостом через Зимнюю канавку вызывало беглый, беспорядочный огонь со стороны защитников дворца. Говорили, что правительство Керенского решило держаться до последних сил, рассчитывая на помощь каких-то войск.

Так вот мы и стояли — друг против друга.

Шел непрерывный спор: одни говорили, что нужно ждать сигнала к выступлению, другие, наоборот, кричали, что выступать нужно немедленно.

— Вот дождемся — придут им казаки на помощь, — говорили одни. — Что тогда?..

— Чепуха! — настаивали другие. — Чепуха! И казаки и солдаты с фронта — люди свои, поймут, что к чему, не пойдут против нас...

В эти часы приезжали из Смольного представители штаба пролетарской революции. Красногвардейцы и моряки окружали машину, требовали ответа: когда же, наконец, начнется наступление.

— Будет сигнал! — спокойно отвечали из машины.

Один из товарищей влез на кузов машины и стал говорить. Он говорил о том, что пролетарским восстанием руководят Ленин и Сталин. Для того чтобы победить, нужна дисциплина и строгое подчинение приказам штаба.

С каждой минутой людей становилось все больше. Подходили новые восставшие полки. Миноносцы доставили большой отряд моряков из Кронштадта. И когда город совсем погрузился во мрак, мы уже знали, что все мосты через Неву захвачены и охраняются нами, что в наших руках вокзалы, телефоны, электростанция, несколько броневиков и почти все войска города.

— Почему же нам не дают приказа выступать? — снова и снова возмущались бойцы.

Кто-то пытался объяснить: идут, дескать, переговоры с буржуазными министрами. Но никто не хотел никаких переговоров — все рвались в бой. Решили даже выбрать делегатов — требовать немедленного наступления.

И как раз в это время с Петропавловской крепости, расположенной прямо против дворца, грохнула пушка.

— Сигнал! Сигнал!..

— Стройся!..

Свист, шум, радостные крики. Потом опять загремели орудийные выстрелы, и это означало — итти в наступление. И мы тронулись.

Я не помню, как это было: как мы встали и какие были при этом слова команды. Помню только, что на нас наседали новые и новые части, и казалось, что за нами движется бесконечно много людей.

Со стороны дворца раздавались резкие залпы и, захлебываясь, стучали пулеметы. Мы шли, ложились, вставали, перебегали на несколько шагов и опять ложились. В неумолкаемом гуле голосов слышно было, как пули рвут стены домов. Потом к нам донеслось беспрерывно нарастающее «ура» и какие-то крики, слившиеся в один страшный, ревущий поток. Над черными дровяными прикрытиями беспрестанно сверкал огонь — юнкера стреляли. Но наши товарищи шли прямо на огонь. Вероятно, в тот вечер среди наступающих не было ни одного труса.

От ярко освещенных окон дворца на площади лежали светлые пятна. На ходу,

в густом мраке ночи, мы видели, как по этим пятнам катились пригнувшиеся к земле цепи бойцов, застилаемые дымом и пропадающие в стороне дворца.

Стрельба прекратилась сразу. Но ко дворцу нам долго не удавалось пробраться. Здесь еще бились врукопашную. Юнкера и офицеры стояли возле штабелей в расстегнутых шинелях, без шапок и оружия. Многие лежали на земле. Тут же были и женщины из ударного батальона — в теплых штанах и стеганых куртках. Они ужасно перепугались.

Широкие двери подъездов едва сдерживали хлынувшую массу. Казалось, вот-вот затрещит это большое здание и лопнет по швам и всей своей тяжестью будет выдавливать людей в трещины и окна.

Мишу я встретил во дворце — наверху, над большой лестницей. Он стоял с винтовкой — охранял вход в комнату.

— Знаешь, — сказал он мне, — отца убили.

Его большие серые глаза, казалось, стали еще больше. В них были слезы, и я не знал, что сказать. Стоял и молчал.

Потом я сказал:

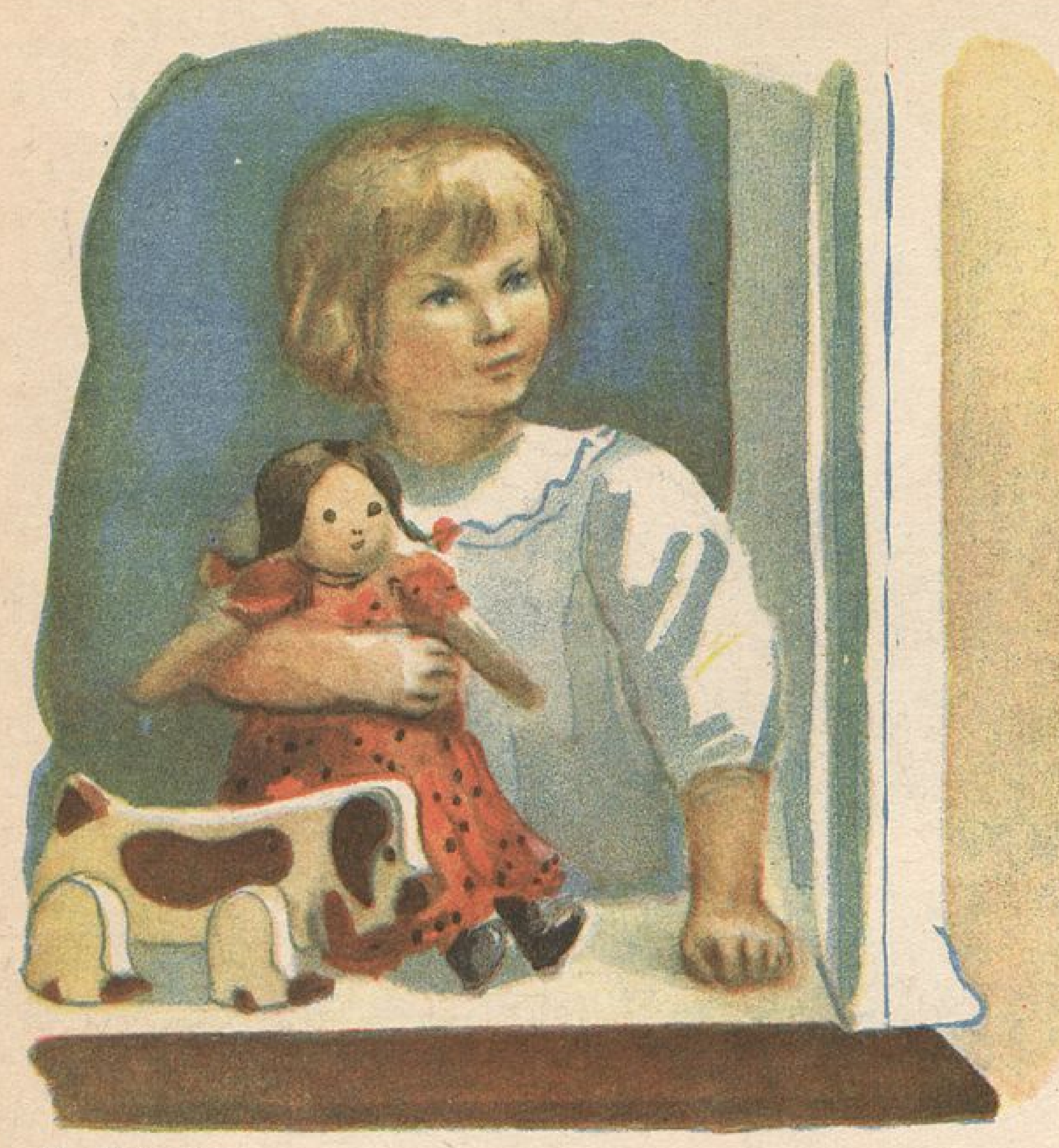
— Это борьба, Миша. И когда борьба, так бывает всегда: кто-нибудь погибает...

— Я буду бороться, — сказал он. — Я обязательно буду бороться...

Утром в городе было расклеено объявление о том, что буржуазное правительство свергнуто и власть в стране перешла в руки трудящихся.

Так 7 ноября 1917 года был взят Зимний дворец. Так началась новая, социалистическая жизнь в нашей великой стране.

А маленького героя-юнгу я увидел через несколько лет. Он поступил на флот и стал командиром.

Л. Квитко
Рисунки Е. Афанасьевой

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

— Ты выросла,
Дочка моя,
Девчушка,
Пичужка
Моя.
У книжек
Целы листы,
У кукол
Носы чисты.
Со всем
Справляешься
Ты.
— Я выросла!
Из окна
Вся улица мне видна!

Настежь окна
Квартир.
Ленка глядит
На мир.
На цыпочки
Поднялась,
Чтоб наглядеться
Всласть.
Вверху самолет
Кружит,
Внизу паровоз
Бежит,
Ласточка
Из-за угла
Мелькнула
И уплыла.
На улице шум,
Народ...
Вот
Тетка идет
От ворот.
Остановилась
У стенки,
Сказала: — Здравствуйте! —
Ленке.
Неловко Ленке
До слез,
Лицо огнем
Залилось.
Уж тетка
Едва видна,
Не тетка —
Одна спина.
А Ленка
Стоит в окне
И кланяется
Спине.

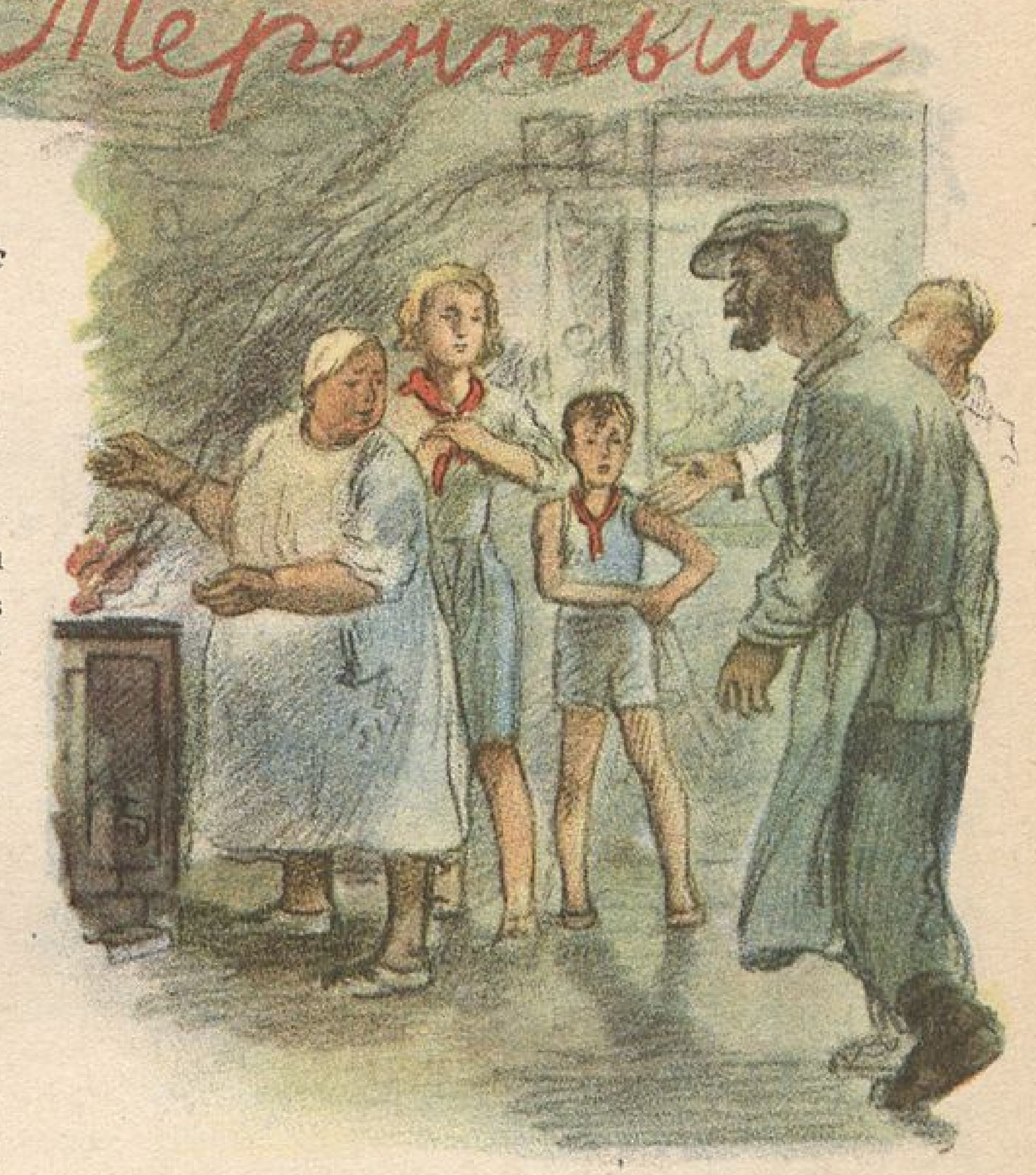
Скрылся народ
За домами,
Бросилась Ленка
К маме:
— Я поздоровалась
С тетей —
С чужой,
Незнакомой
Тетей!
Ей, верно,
Понравилась я.
И с этим
Справилась я.

Перевела с еврейского
Т. Спендиарова

Василий Терентьич

Я. Тайц *Рисунки М. Михаэлис*

РАНЬШЕ в этом большом барском доме — с колоннами, калориферным отоплением и балконами — жил князь Дундуков-Корсаков. А сейчас там живут пионеры. В один из выходных дней они ждали к себе в гости летчика из Воронежа. Костик Мартынов сидел на полу в кабинете начальника лагеря и наклеивал на красное полотнище бумажные буквы:

ДОБРО ПОЖ

Он взялся было за «А», как вдруг дверь распахнулась и в кабинет с грохотом ворвалась повариха Устя:

— Где начальство? Плита провалилась!

— Куда? — спросил, вскакивая, начальник лагеря Клим, которого за малый рост называли «Клинышек».

— Сама в себя! — ответила Устя и подолом белого халата стала вытирать мокрое и красное лицо.

Клим бросился на кухню. Устя — за ним. Костик Мартынов, волоча за ножку бумажное «А», — за ней.

На кухне было «весело». Дым и пар гуляли над развалившейся плитой. Котел лежал на боку. Жирные пельмени шипели на угольях.

— Сколько я просила, — причитала Устя: — почините плитку, почините плитку! Стряпуха им что? Стряпуха им разве человек?

На шум прибежала вожатая Зоя. Она тоже чуть не заплакала:

— Клинышек! Беда! Пионеры останутся без горячего. И скоро приедет летчик. И его надо угостить получше...

— Только без паники! — скомандовал Клим.

Он подхватил свою тюбетейку и зашагал в соседний колхоз Мурашкино. Через час он вернулся с бородатым густобровым человеком при фартуке.

— Знакомьтесь! — сказал Клим. — Мурашкинский печник Василий Терентьич!

Василий Терентьич, тяжело ступая, прошел на кухню, потрогал горячие еще кирпичи и сказал:

— Перекос, значит, получился. Пельмени-то подберите! Богатые пельмени!

— Желаете? — подхватила Зоя. — Устя, тарелочку, быстро!

— Нет, благодарствую, — ответил печник, — после работы разве.

— Значит, можно починить?

— Отчего ж? Я ж эту плиту сам складывал...

Зоя повеселела. Они с Костиком побежали к воротам вешать «Добро пожаловать». Старое «Добро пожаловать», которое осталось после встречи танкистов, выгорело и запылилось. Девочки плели венки из ромашек и васильков. Для гостя нарвали огромный синий букет — кило на два весом. В шесть часов отряд собрался на площадке под мачтой. Затянули «Машу», потом «Катюшу», потом «Андрюшу», потом «Кочегар — кочегару», а летчика все не было... Вот уже половина седьмого. Вот уже без четверти... Зоя подпевала, а сама все поглядывала на дорогу.

И вдруг она вспомнила: «Если в 18 часов 15 минут не приеду, — сказал летчик, — не ждите!» Зоя оставила ребят и побежала искать Клима. Начальник сидел на кухне, беседовал с печником. Увидев Зою, он обрадовался.

— Приехал?!

— Нет, — протянула Зоя. — А собирались сколько, готовились, ребят взбудоражили... Теперь уж не приедет.

Клинышек заложил руки в карманы, зашагал взад-вперед по кухне:

— Летчик — дело военное, сама понимаешь. Слушай! — Он вышел с Зоей в сени. — Я тут с Василий Терентьичем разговорился. Занятный человек. А что... если его попросить?

— О чем?

— Экая ты, Зойка, бестолковая! Ну, выступить перед ребятами, понятно?

— Печника?!

— Тш! — Клинышек подвигал тюбетейкой по затылку, замолчал.

Через открытую дверь в сени врывалось «Брось сердиться, Маша-а!» Зоя шопотом сказала:

— Не знаю! Ты начальник!

— Эй, комсомол! — крикнул печник. — Принимай работу. Пускай стряпка посмотрит: ей готовить!

Клинышек подошел к печнику:

— Василий Терентьевич, мы вас еще хотим попросить... вы не выступите перед ребятами, а?

Василий Терентьич, сидя на корточках, обмазывал плиту глиной. Он взглянул на Клима из-под мохнатых бровей, усмехнулся:

— А что я им расскажу? Про печное дело, что ли?

— Только без паники! — подхватил Клим. — А что? Очень даже интересно. У нас ребята даже увлекаются...

Он долго уговаривал печника. Тот упирался, отнекивался. Но Клинышек все-таки уломал его.

И вот Василий Терентьич снял фартук, умылся, причесал бороду и, тяжело шагая, пошел с Климом и Зоей на площадку к мачте.

— Идет! Идет! Ура! — закричали пионеры и захлопали. Самодеятельный оркестр под управлением Левы Шульмана грянул: «Все выше и выше...»

Вдруг хлопки погасли, «ура» замолкло, «Все выше и выше...» оборвалось. Клим, Василий Терентьич и Зоя поднялись на мостик.

— Зоя, объявляй!

Зоя вздохнула, ухватилась обеими руками за концы своего галстука и закричала:

— Пионеры, сегодня к нам в гости приехал Василий Терентьич Горбушкин, мастер печного искусства. Попросим!

И она захлопала, протягивая руки к печнику. Ее поддержал только один Клим. Ребята загудели, будто пчелы. Костик спросил:

— Какого искусства?

Зоя поднялась на цыпочки и с обидой в голосе отчеканила:

— Печ-ного!

Гул стал громче.

— А чем награжден? — спросил Левка.

Зоя оглянулась на печника. Василий Терентьич откашлялся, снял шапку:

— Я, ребята, многим награжден. Награжден тем, что вот живу в колхозе, избу имею, прочее... Награжден тем, что сын у меня инженер-печник, вроде меня, домны строит. Ну, вот соседями хорошими награжден...

— А в Кремле были? — перебила девочка из задних рядов.

Василий Терентьич развел руками:

— Не приходилось.

— А на границе были? — спросил Костик.

Василий Терентьич потоптался на маленьком мостике, виновато ответил:

— Не бывал, ребята!

Клим поднял руку:

— Прошу не перебивать. Вопросы потом. Продолжайте, Василий Терентьич!

Василий Терентьич потрогал темной рукой белую сухую мачту.

— Так вот, говорю, соседями я награжден. Раньше у нас был сосед барин, князь Дундуков-Корсаков, а сейчас вот вы... — улыбнулся Василий Терентьич. — Помню, был у Дундуковых сынок, аккурат в вашем возрасте. Жоржик его звали, ну, Егор по-нашему. А тогда калорифер для князя проводили. Это такое отопление — теп-

лым воздухом. Я подручный был. Забрался я в трубу обмазать ее. Тут Жоржик подошел да возьми для смеха и закрой выход. Я кричу:

«Открой, барин, открой!»

А он, слышу, хохочет.

Я опять:

«Открой, баринок милый, пошутил — и будет!»

А он еще громче хохочет. Смешно ему!

Чую, дышать нечем, зову:

«Егорушко, дышать нечем, открой!»

А князек не отвечает. Убежал, стало быть. Ну, думаю, Василий, конец тебе пришел! — Василий Терентьич крепкими руками ухватился за низенькие перильца мостика.

Пионеры молчали. На чью-то стриженую голову опустилась бабочка. Василий Терентьич продолжал:

— Подождал я, покричал, — вижу, не открывают. А воздуху все меньше. Стал я карабкаться вверх, ровно червяк. Продираюсь по трубе, она узкая: чем дальше, тем у́же... Спасибо, я тонкий был, сейчас бы не пролезть. Я и головой, и пятками, и всем телом винчу, будто штопор. Ползу вверх, а дышать все хуже. Звон в ушах — раньше церковный звон был такой. Кожу всю ободрал. Добрался до отдушины. Гляжу — она закрыта. Тронул ее лбом — руки поднять нет возможности, они в трубе стиснуты — не подается. Я давай лбом колотить. Колочу и кричу, только крику моего не слыхать. Бью лбом до крови, боюсь, как бы кость не треснула. Не до боли тут — вырваться бы!

Василий Терентьич посмотрел вверх, вдоль мачты, на новенький красный флаг, и продолжал:

— Крепкая, видать, была башка! Как хватил в последний раз — открылась. Я голову туда, давай глотать воздух. А надо вам доложить, отдушина аккурат выходила в кабинет самого Дундукова-то Корсакова. Он дремал в креслах. Вдруг он как вскочит, завидев меня, да заорет:

«Караул! Разбойники!»

Да как сорвет со стены охотничье ружье — и в меня.

Я нырнул в трубу, кричу:

«Ваше сиятельство, не губи, это я, Васька печников!»

Тут он в память вошел:

«Ты что ж, басурман, тут лазаешь?»

И воду прямо из графина пьет.

Я из трубы говорю:

«Ваше сиятельство, велите дверку внизу открыть, ваш сын закрыл».

Тут он засмеялся, хлопает себя по коленке:

«Ай да Жоржик, ай да шутник!»

Ну, позвонил лакея, открыли. А потом мы с Жоржиком этим в гражданскую войну встретились. Он в белых офицерах служил...

— А вы были на войне?! — спросил Костик.

— Шш-шш... — зашикали ребята, — тише!

— Повоевал маленько, — сказал Василий Терентьич и повел плечом, словно поправил невидимую винтовку. — Поймали мы этого Жоржа Дундукова в плен. Я узнал его, говорю:

«Как, ваше сиятельство, калориферное отопление-то действует?»

Тут и он меня узнал, пал к ногам:

«Василий, сосед, милый, я тогда мальчик был, не понимал ничего... пожалей!»

Я говорю:

«Не я тебя буду судить, а советская наша власть. И не за шутки твои детские, а за то, что против народа пошел. И никакой, говорю, я тебе не сосед!» И передал его в трибунал... Не знаю, к чему присудили...

Василий Терентьич помолчал, оглядел притихших ребят и весело закончил:

— Так что, дорогие соседушки, на том и прикончим. И — до свиданья!

Он махнул ребятам шапкой и спрыгнул с мостика. Пионеры вскочили, захлопали, затопали, окружили печника, кричали:

— Еще! Еще!

Они провожали его до ворот, и девочки совали ему букетики и венки из васильков и ромашек, а мальчики отдали ему громадный синий букет — кило на два весом, если не больше.

НАШЕГО ПОЛ

Нас всегда было много. Советские ребята — вот кто мы такие! Мы учимся в хороших новых школах, летом живем в лагерях. И мы поем веселые славные песни о большой нашей стране, о любимом нашем товарище Сталине, о Красной армии и счастливой нашей жизни. Мы поем их по-русски, по-украински, по-белорусски, по-грузински, по-узбекски, по-туркменски, по-еврейски, по-татарски — каждый поет на том языке, на каком он разговаривает.

А наши ровесники, которые жили в Западной Украине и Западной Белоруссии, не могли петь эти песни, не смели читать и учиться на родном языке. Польские паны не давали им учиться, не позволяли петь по-украински, по-белорусски, за песню сажали в тюрьму. А жили наши западные украинские и белорусские братья совсем близко, по ту сторону границы, рукой подать. Вот и подал им наш народ руку помощи. Красная армия освободила Западную Украину и Западную Белоруссию. И наши западные братишки стали советскими ребятами. Нашего полку прибыло!

Капиталисты Финляндии грозили пушками нашему Ленинграду, стреляли через границу в наших красно-

ЛКУ ПРИБЫЛО!

Рисунок Е. Евгана

армейцев. Красная армия отогнала врагов подальше от Ленинграда. Многие наши финские и карельские ровесники живут теперь в советской Карело-Финской республике. Они — советские ребята. Нашего полку прибыло!

Двадцать лет румынские бояре мучили народ Бессарабии, распоряжались на земле, которая раньше всегда принадлежала нашей стране. Пришел конец мукам и горю бессарабцев. Их земля теперь опять стала советской землей. Нашего полку прибыло!

И, видя, как в свободном труде, в мире и дружбе живут советские народы, народы Латвии, Эстонии и Литвы тоже захотели жить по-новому. Они выгнали из своих правительств врагов трудового народа и вошли в великий Советский Союз. Теперь маленькие латыши, эстонцы и литовцы — тоже советские ребята. Нашего полку прибыло!

Вот сколько новых товарищей! И, когда мы запеваем любимые наши песни о советской родине, с нами поют на своем родном языке ребята из Львова и Белостока, из Кишинева и Черновиц, из Выборга и Риги, из Кауната и Таллина. Нашего полку прибыло!

ПИСЬМА

Е. Трутнева
Рисунки М. Михаэлис

Пять конвертов — пять гостей,
Пять листочков — пять вестей
С разных мест родной земли
Все по почте мне пришли.

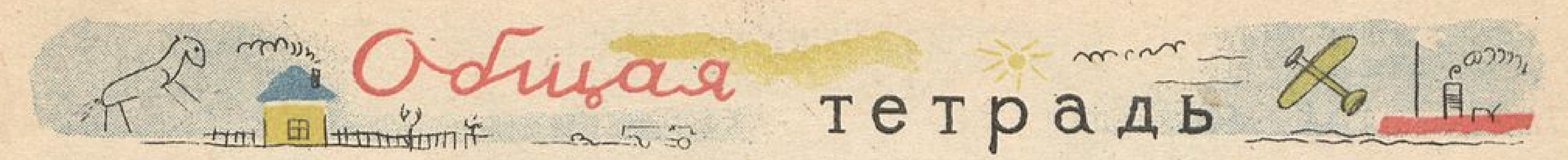
Пишет девочка одна:
«Вижу море из окна.
Здесь у нас, что ни сад,
Всюду сладкий виноград!
Мандарины тоже рвем...
Очень весело живем!»

А другая написала:
«Здесь колодцы и каналы,
И урюк растет в саду;
Я иду и в рот кладу.
И еще на поле хлопок —
Наберу хоть сто коробок
С белой ватой в середине...
А еще большие дыни».

Пишет третья вот так:
«В огороде вкусный мак.
Кавуна я захочу —
Можно сбегать на бахчу.
А у нас кавуны
Вот тако-ой толщины,
Вот тако-ой вышины!»

А четвертое — от Нади,
На листочке из тетради:
«Здесь у нас рябина есть —
Сколько хочешь можно съесть!
Можно ягодки рябинные
Нанизать на нитки длинные, —
Будут бусы хоть куда,
Можно даже в три ряда».

Я беру конвертик пятый,
Грязноватый и помятый, —
В нем всего двенадцать строк,
А проехал сто дорог!
«В нашем новом магазине
Есть и яблоки, и дыни,
И урюковый компот.
Захотим и купим! Вот!
Наша ягода морошка
Тоже сладкая немножко,
А олени мох едят,
Если кушать захотят.
Даже яблоньки и пчел
Нынче дедушка развел.
Лет, должно быть, через шесть
Всё свое мы будем есть!»

У ПОДНОЖЬЯ ЗЕЛЕНОЙ ГОРЫ

Аул наш небольшой. Даже на самых точных картах не найдешь его. Стоит он у подножья Кок-Тюбе, по-казахски это значит „Зеленая Гора“. Гора покрыта зеленью и цветами.

Мой дедушка — великий акын Джамбул. Он сложил много песен и иногда напевает их нам. Живет он вместе с нами. Очень много гостей приезжает к дедушке Джамбулу, а почтальон каждый день приносит ему целую гору писем. Дедушка зовет меня к себе:

— Читай, Атагельды.

И я читаю ему письма от бойцов Красной армии, колхозников, рабочих. Пишут и пионеры, они обещают учиться на „хорошо“ и „отлично“.

Все ребята нашего аула очень любят моего дедушку, и дедушка Джамбул знает каждого из них по имени.

— Как твои дела, Нуржамал?

— Какую отметку получил, Еркабаи? — спрашивает он у ребят и уходит довольный, когда узнает, что ребята получили сегодня хорошие отметки.

Нашего аула нет на карте, но все хорошо знают аул Джамбула.

Атагельды Джамбулов. Казахская ССР.

РАССКАЗ ДЕДУШКИ

Недавно дедушка взял меня и мою подругу Варю Савельеву гулять по Москве. Мы пришли на Красную площадь. Дедушка рассказал мне и Варе об Октябрьской революции, в которой он сам участвовал. В Кремле тогда засели белые. А рабочие Москвы вооружались на окраинах города. У рабочих было мало оружия, а Кремль был полон пулеметов, пушек. Охранял Кремль 56-й пехотный полк. Солдаты этого полка перешли на сторону красных. Белый генерал приказал им сдать охрану офицерам. Но солдаты отказались. Три дня ждали они прихода красных, а красные не шли, потому что не знали, что делается в Кремле. Белые офицеры перерезали телефонные провода. Обманом прошли в ворота белые. Они согнали солдат к стене и стали стрелять по ним из пулемета. Но в это время со всех сторон Москвы шли рабочие отряды к Кремлю. Тульские рабочие прислали им пулеметы. Рабочие Красной Пресни шли по Тверской улице и

Рисунок Инны Гофайзин, 8 лет. Москва.

через Иверские ворота вошли на Красную площадь. Теперь Иверские ворота снесены, но дедушка показал нам, где они были. Они стояли между музеем Ленина и Историческим музеем. Рабочие со всех сторон начали обстреливать Кремль. Белые хотели бежать, но все ворота были закрыты, и они сдались.

Мой дедушка был тяжело ранен и долго лежал в больнице. Сейчас он с гордостью вспоминает эти дни.

Нина Петрянникова, 11 лет. Москва.

РАДОСТЬ

В поле быстро расцветает
Золотая рожь.
Горы, дали покоряет
Наша молодежь.
Миноносцы ходят в море —
Далеко земля.
Ярко светят на просторе
Звезды из Кремля.

И. Косенко. Село Камбулат.

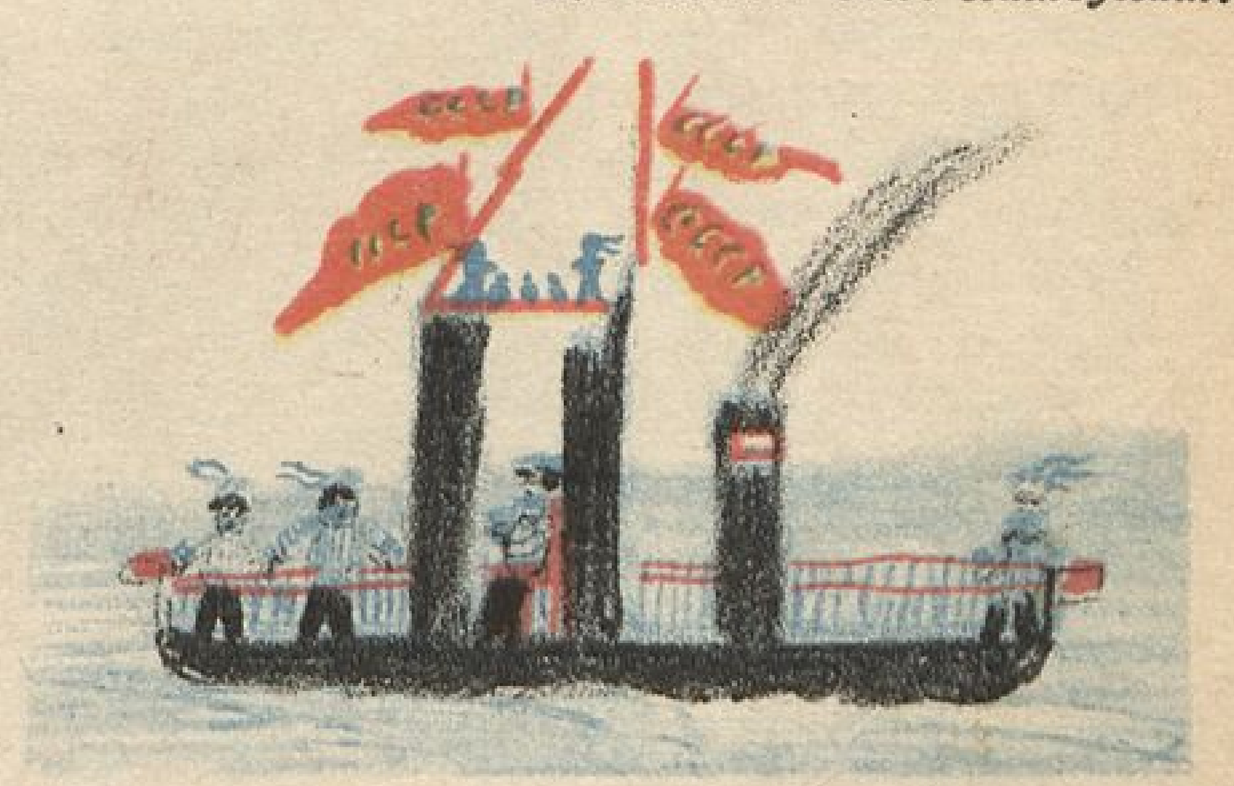

Рисунок Гали Абражевич, 9 лет. Минск.

Андрей Шманкевич
Рисунки К. Елисеева

Чорт

МЕДНЫЙ чайник с квасом был раза в два тяжелее корзинки с обедом. У каждого третьего телеграфного столба Митька останавливался и брал чайник в другую руку. На толстом и горячем слое дорожной пыли оставались четкие следы босых Митькиных ног и отпечатки: круглый и гладкий от дна чайника и узорчатый, в елочку, от корзины.

— Да не наливай ты полный чайник. Не донесешь ведь... — говорила мать.

— Донесу... — отвечал Митька.

Он знал, что нести будет тяжело. Да уж больно дед Макар любил квас. А Митька любил смотреть, как он его пьет.

Макар, дожидаясь внука с обедом, сидел в тени кустов на круче у речки. Полусонные коровы стояли в воде и только изредка помахивали хвостами, отгоняя оводов.

Первым делом дед осторожно ставил чайник в ледяную воду родничка, а затем принимался за обед. После еды начиналось самое интересное.

— А ну веди его сюда! — командовал Макар страшным голосом.

Митька выхватывал чайник из родничка и подавал деду.

— Ну-ка, квасок, прочисть деду голосок! — говорил Макар нарочито хриплым голосом и поднимал чайник высоко над запрокинутой головой. Из носка вырывалась блестящая коричневая струя, перекрученная, как пастуший кнут. Дед ловил ее широко раскрытым ртом. Он умел глотать, не смыкая губ, что́ у внука, сколько он ни старался, не получалось.

— Как в кадушку наливает! — восхищался Митька.

Сизые усы и всклокоченная борода Макара ловили каждую капельку, не давая ей упасть на землю. За первый прием дед выпивал половину чайника. Захлопнув рот, он с минуту сидел не дыша, потом смачно крякал:

— Ай да квас у нас!.. А ну еще раз!

После второго приема квасу оставалось на донышке.

— Каков квасище, таков должен быть и голосище... Спробовать, что ли? — спрашивал Макар.

— Спробуй, дедка, спробуй! — просил Митька.

Макар поднимался во весь свой огромный рост и расправлял плечи. У Митьки замирало сердце и, несмотря на жару, тело покрывалось

пупырышками. Дед долго и шумно набирал в себя воздух. Под холщевой рубахой горой поднималась грудь и сразу вырастал живот. Потом дед опускал голову, как будто закрывал выход воздуху, густо краснел и вдруг оглушительно, раскатисто и бесконечно долго тянул:

— В-о-о-н-н-м-м-е-е-м-м-м-м-м!..

И это «вонмем» плыло от деда во все стороны, как круги на воде от брошенного камня. Плыло над горячей степью, над сизыми зарослями терна, над спокойной водой. Дедова борода дрожала каждым своим волоском, дрожала дедова рубаха, и даже чайник в руке Митьки дрожал мелкой звенящей дрожью.

Особенно долго тянул Макар последнее «м». Оно, как живое, билось у него во рту, стараясь разлепить плотно сжатые губы и вырваться наружу.

Просыпались коровы и, испуганно подняв уши, смотрели на своего пастуха, готовые броситься наутек. А молодой бык выскакивал на берег и ревел деду в ответ. Он, наверное, думал, что в стадо пришел соперник и вызывает его на бой. Но больше всех пугалась Жучка. Поджав свой облепленный репьями хвост, она с визгом уносилась в кусты, будто на нее плеснули кипятком.

— Ну как? — спрашивал Макар, когда замирало последнее эхо у речного обрыва.

— Дюже сильно... — шептал Митька.

— Это что!.. Это остатки... Вот раньше у меня был голос! Беда какой сильный! Сам от него глох. Меня все станицы вокруг знали. Чуть где что — за мной присылают... Зараз изгоню...

— Чего, дедушка, изгонишь?

— А всякую нечисть, чертовщину разную.

— А как же ты ее изгонял?

— Пройду на баз, стану посеред да как рявкну: «Анафема, изыди!» Ну, и все черти — с база! Вон как наша Жучка!

— Ой, дедушка, дуришь ты! Чертей на свете вовсе нет...

— Ишь ты какой!.. Отчего ж ты меня раньше не упредил?

И не мог понять Митька, шутит дед или говорит взаправду.

И «вонмем» и «изыди, анафема» — для Митьки слова были непонятные и даже страшные. Он не знал, что по-славянски «вонмем» значило «внимаем», «слушаем», а «изыди, анафема» — просто «уйди, чорт».

«Может, раньше и были черти и разная нечисть, — думал Митька, шагая по пыли. — Были же какие-то помещики, буржуи...»

Сзади послышался топот. Митька оглянулся. От станицы ехал верховой. Поровнявшись с Митькой, верховой соскочил с лошади, сошел с дороги и, растянувшись на животе, прижался к земле ухом.

— Чего это он? Ровно как в сказке. Слушает, нет ли погони.

Митька посмотрел на дорогу, но никакой погони там не было. Тогда он поставил чайник и корзину и подбежал к странному дяденьке.

— Что это вы, дяденька, прислушиваетесь?

— Да вот слушаю, как чорт проходит...

— Гм... смеетесь, дяденька... Чертей не бывает.

— Да неужели? Ну, ложись и слушай, — сказал дяденька улыбаясь.

Митька лег рядом и прижался ухом к колючей земле. Но под землей все было тихо.

«Обманул... Просто насмехается!» подумал Митька и сердито посмотрел на дядьку.

— Лежи, лежи... Вот, слышишь?

Митька перестал дышать и вдруг услышал неясный шум. Он все нарастал.

— Идет, чертяка! — прошептал дядька.

У Митьки ощетинились волосы на макушке и широко открылся рот, но крикнуть он не мог...

А в земле творилось что-то страшное. Чорт клацал зубами, стонал и рычал.

— Прошел! — крикнул дядька и, вскочив на коня, поскакал вперед, окутанный облаком пыли.

— Дяденька! — крикнул Митька и, схватив

корзину и чайник, побежал следом, расплескивая квас.

Он боялся остаться один. Ведь этот дяденька, наверное, нарочно ездит по степи и сторожит, чтобы не вышел из земли этот самый... Он уже опять припал к земле и слушает. А чорт, может, повернул обратно... да на него, на Митьку...

— Дяденька! — Тут Митька вспомнил про деда: — Вот бы дедушку покликать... Он бы его как погнал...

Вдруг дядька стал карабкаться на телеграфный столб.

«Пропал я! — решил Митька. — Вырвался, наверно, он из земли! До дядьки-то не достанет, а меня обязательно искусает всего».

Митька представлял себе чорта вроде Жучки, но только еще с рожками.

Но сколько ни шарил Митька глазами по бурьяну и дороге, чорта нигде не было. А дяденька слез со столба, достал из притороченного к седлу ящичка телефонную трубку и стал кричать в нее:

— База! База! Насосная! Ага, насосная? Высылайте бригаду на одиннадцатый участок. Чорт остановился! Ну, живей!

Дяденька положил трубку и, увидав Митьку, сказал:

— Застрял-таки, понимаешь? Вот будь ты неладно! Теперь возни с ним до вечера!

— Дяденька... я сейчас дедушку покличу... Он его зараз выгонит, — предложил Митька и, не дожидаясь согласия дяденьки, кинулся к речке, где его уже давно поджидал Макар.

— Дедушка... дедушка... идем скорее на дорогу... Там в земле чорт застрял, а дяденька его никак не прогонит.

— Чего ты буровишь? Какой чорт? — пробурчал Макар.

Митька, глотая слова, рассказал деду про чорта.

Дед торопливо похлебал борща, выпил остатки квасу без «вонмем» и зашагал за внуком на дорогу. Там уже стоял грузовик с крытым кузовом. Людей не было видно. Только из ямы около грузовика вылетали комья земли.

— Видал, дедушка? Это они его выкапывают! А ну попробуй.

— Что попробуй?

— Ну это «вонмем» или «изыди, анафема»...

Дед взъерошил Митькины волосы на затылке и, засмеявшись, сказал:

— Дурашка ты, Митька, дурашка! То время давно кончилось, когда дед твой дурака валял.

Макар подошел к яме и заглянул в нее:

— Здорово, станишники! Чего роете?

— Здорово, дед!.. Да вот чорт у нас застрял.

Митька, ухватившись за дедову рубаху, тоже заглянул в яму. На дне увидал толстую железную трубу.

— Да ведь это же нефтепровод! — догадался вдруг Митька.

Он помнил, как его прокладывали года три назад.

— Дяденька, а как же он туда попал, чортто? — спросил Митька.

— Как попал? Сами его засадили.

— Зачем?

— Ишь, любопытный какой! По этой трубе течет нефть, а из нефти на стенках трубы оседает парафин, ну вроде воска. Стало быть, его нужно очистить. Вот и посылаем чорта. Он стальной, вроде снаряда, а по бокам у него проволочные щетки. Нефть чорта по трубе гонит, щетки вертятся и очищают парафин. Понял?

— Понял, — протянул разочарованно Митька.

Рабочие подложили под трубу толстое бревно и стали ее раскачивать, чтобы чорт двинулся дальше. Но труба не шевелилась, и чорт не двигался.

— Разом надо! Говорю, зараз всем надо! — советовал Макар.

Он подошел к краю ямы и, ухватившись за бревно, сказал:

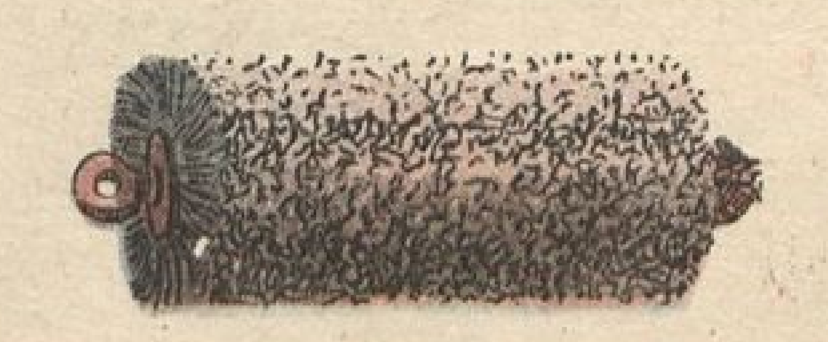
— А ну, слушай мою команду...

И, набрав воздуху, рявкнул:

— Раз... два... взяли!..

То ли труба пошевелилась, то ли насосная увеличила напор нефти, или, быть может, задрожала труба от дедова голоса, как дрожал чайник у Митьки в руках, только вдруг заскрипело, зашипело, заклацало — и чорт пошел дальше.

— Видал, Митька? Стало быть, голос еще действует, — сказал гордо Макар и, выставив вперед бороду, зашагал к стаду.

Н. Саконская *Рисунок Е. Афанасьевой*

КТО ХИТРЕЙ?

Мне сказал однажды дед:
— Ты, смотри, не лазь в буфет!
Там на самой верхней полке
Поселились злые волки. —
Только дедушка уснул,
Я скорей подставил стул,
Приоткрыл немножко дверцу,
Отодвинул банку с перцем,
Переставил всю посуду —
Я волков искал повсюду...
Поутру проснулся дед,
Не спеша открыл буфет,
Думал к чаю взять ирисок,
А ирисок нет как нет!
Обыскал он всё до щелки,
Заглянул и вверх и вниз.
Я сказал: — Наверно, волки
Утащили твой ирис!

Кругоскоп, через который видно все, что далеко и близко, вокруг и около, спереди и сзади, под ногами и над головой, слева и справа, внутри и снаружи.

МУШИНАЯ НОГА

Это старая ваша знакомая.

А это конец ее ножки, увеличенный в пятьдесят раз. На ней видны два когтя,—ими муха цепляется, когда шагает по неровной, шероховатой поверхности.

Еще видны две липких подушки — без них муха не могла бы разгуливать по потолку. К этим-то подушкам и пристает всякая грязь, бактерии, — на них муха и разносит заразу.

Если у человека были бы такие подушки, только побольше конечно, он тоже мог бы ходить по потолку. Но ему бы пришлось для этого на каждой ноге таскать подушку около 16 килограммов весом.

С таким грузом, пожалуй, и не захочется гулять по потолку, правда?

ХИТРОСТЬ УАТТА

До сих пор мощность машин, которые двигают поезда, пароходы и станки на заводах, сравнивают с силой лошади. Про двигатель говорят: „В нем 500 лошадиных сил". Впервые стал сравнивать машинные силы с лошадиными англичанин Уатт, который изобрел паровую машину.

Такой пересчет машинных сил на силы лошадей был очень нужен. До изобретения паровой машины насосы, качавшие воду из шахт, приводились в движение лошадьми. Паровая машина заменяла живых лошадей, и надо было знать, сколько лошадей может заменить одна машина.

Счет на лошадиные силы привился да так и остался. Но вот чему всегда удивлялись инженеры: почему лошадь, с которой сравнивал мощность своих машин Уатт, в полтора раза сильнее обыкновенной средней лошади? Где это откопал Уатт такого гигантского коня? Или он просто не умел точно измерить силу лошади?

На самом деле Уатт имел дело с самыми обыкновенными лошадьми и отлично знал настоящую силу живой лошади. Недавно объяснилось, почему он считал полторы лошади за одну.

В библиотеке старого английского города Бирмингама был найден альбом с пожелтевшими от времени газетными вырезками. Никому не известный владелец этого альбома наклеивал в него сообщения об убийствах, пожарах и других происшествиях, которые случились в прошлом веке и совсем неинтересны сейчас. Но, проглядывая их, нашли маленькую заметку, в которой было рассказано, почему „машинная лошадь" Уатта сильнее обыкновенной лошади.

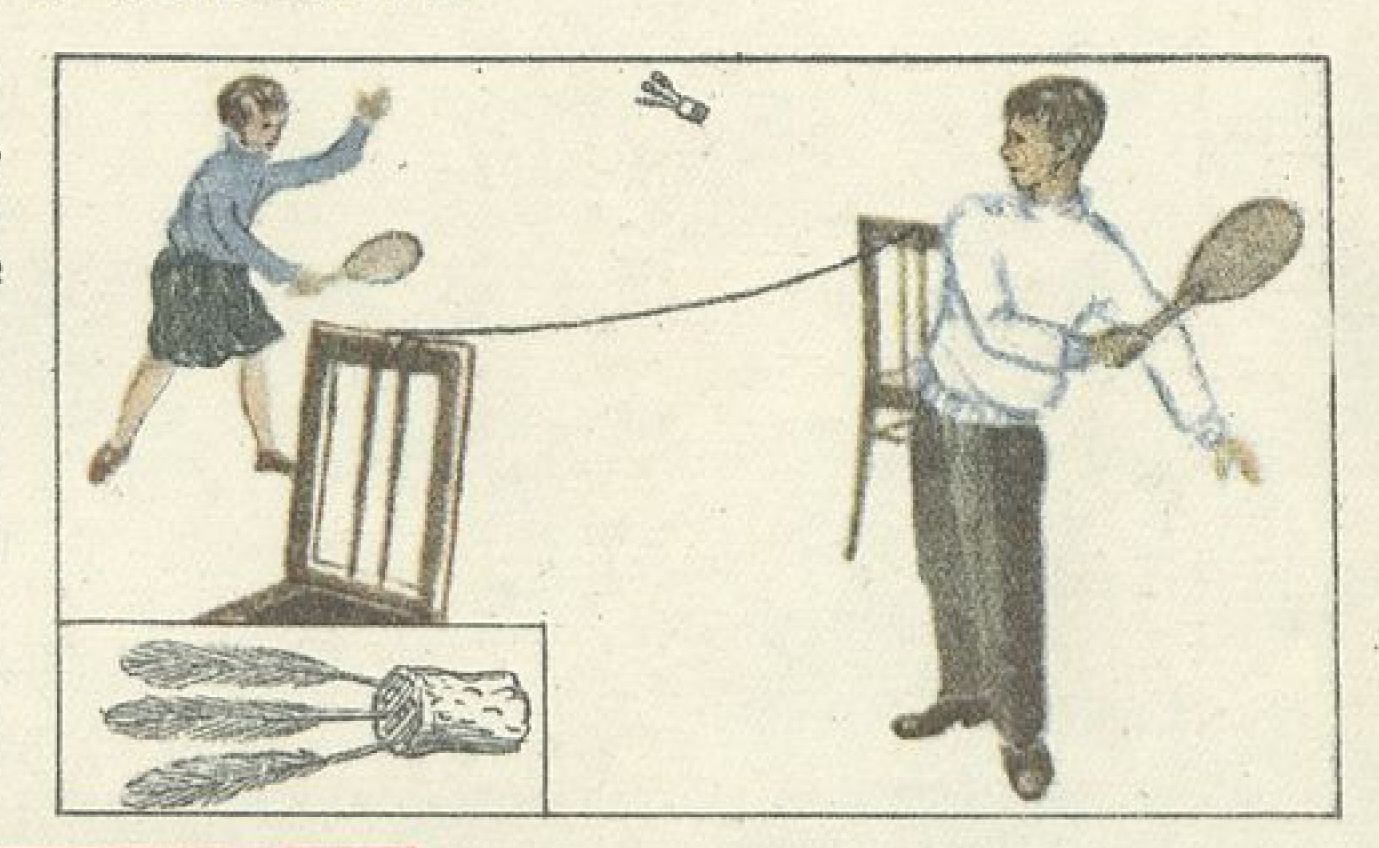
Уатт знал, что покупатели его первых паровых машин будут сравнивать их работу с работой живых лошадей. Он боялся, что лошадь покажется им, чего доброго, удобнее. Поэтому, когда он выпускал машину мощностью в 15 лошадиных сил, он на всякий случай говорил, что в ней 10 лошадиных сил. Фабрикант покупал машину в 10 лошадиных сил, а на самом деле, сам не зная того, приобретал машину в 15 лошадиных сил. Когда эта машина работала лучше, чем 10 живых лошадей, он очень удивлялся и радовался.

Слава „паровых лошадей" сильно возросла.

А сейчас мы не можем себе даже представить, что бы мы делали без миллионов паровых „машинных лошадей", которые работают для нас повсюду.

Займись чем-нибудь

ТЕННИС В КОМНАТЕ

Вы думаете, что в теннис можно играть только на площадке? Попробуем сыграть в комнате. Возьмите обыкновенную пробку, воткните в нее три куриных пера. Из фанеры сделайте маленькие ракетки. Между двумя стульями протяните веревочку. Площадка готова. Давайте играть. Раз! Игрок подбросил пробку и ударил ее ракеткой. Другой отбил ее. Начали перебрасываться.

За каждый промах засчитывается одно очко. Выигравшим считается тот, у кого будет наименьшее число очков.

ТРИ МЕДВЕДЯ

Какой медведь самый большой?

ОДНО НА ПОЛЯНЕ, ДРУГОЕ В КАРМАНЕ

Вот слово. Для решенья
В нем отыщите два значенья:
Несется первое к реке,
Другое щелкнуло в замке.
Одно лепечет на поляне,
Шумит в лесу и на лугу,
Другое улеглось в кармане
И там все время ни гугу.

М. Андриевская

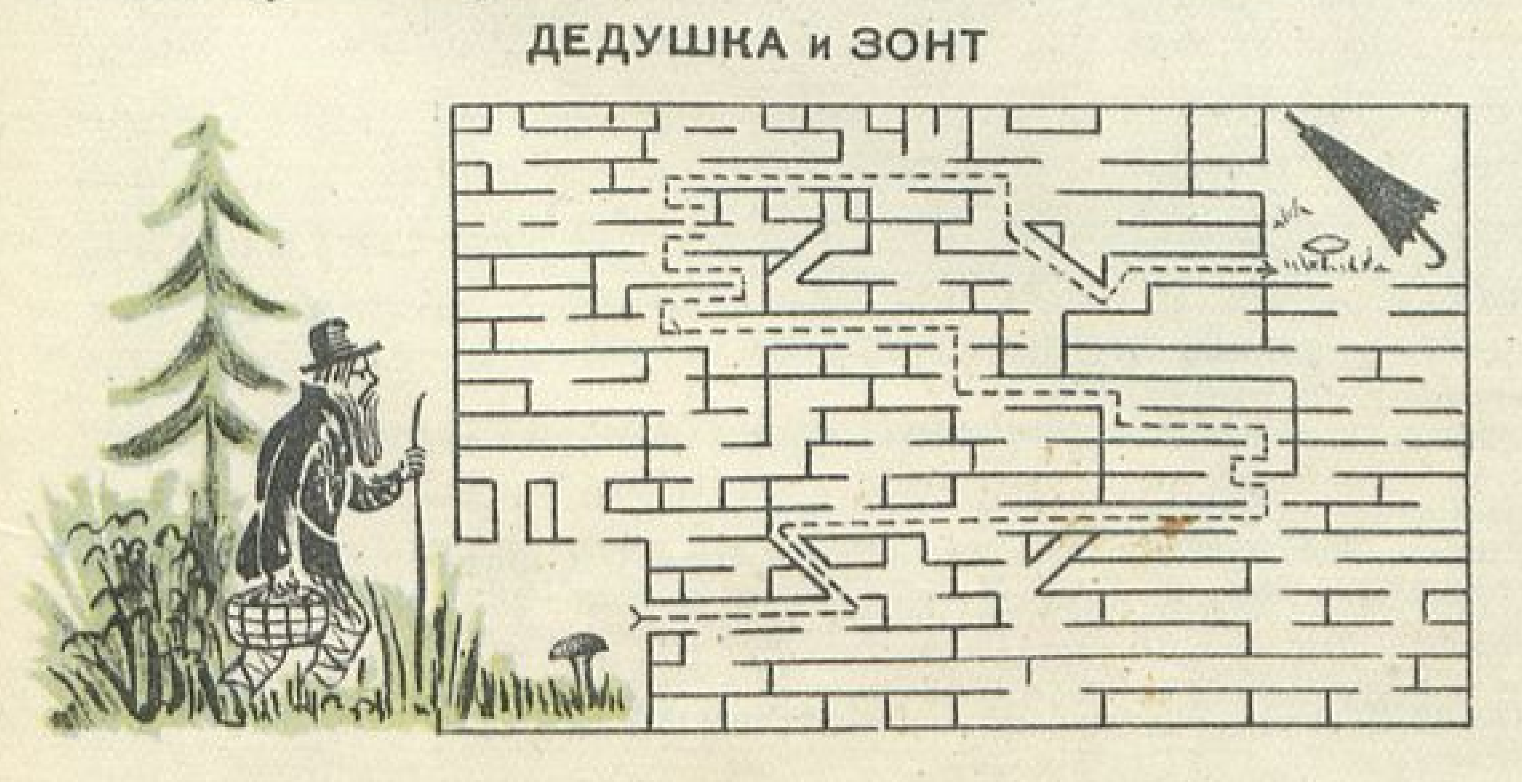
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 6, 7—8 и 9

ЗАДАЧА. 1-й прыжок монеты с № 4 на № 1.
2-й „ „ с № 7 на № 3.
3-й „ „ с № 5 на № 9.
4-й „ „ с № 2 на № 6.
5-й „ „ с № 10 на № 8.

ШАРАДА. Домино. ЗАГАДКИ. Нитка. Самолет. Просо. Лягушка.

Первыми правильные ответы на задачи в журнале №№ 2, 3 и 4 прислали: Зина Чуркова (Чкаловская обл.); Леня Наумов (Ивановская обл.); Г. Юрасов (Казахстан); Жора Ерьев (Геническ).

ДЕДУШКА и ЗОНТ

ГОЛОВОЛОМКА

Цена 1 рубль.

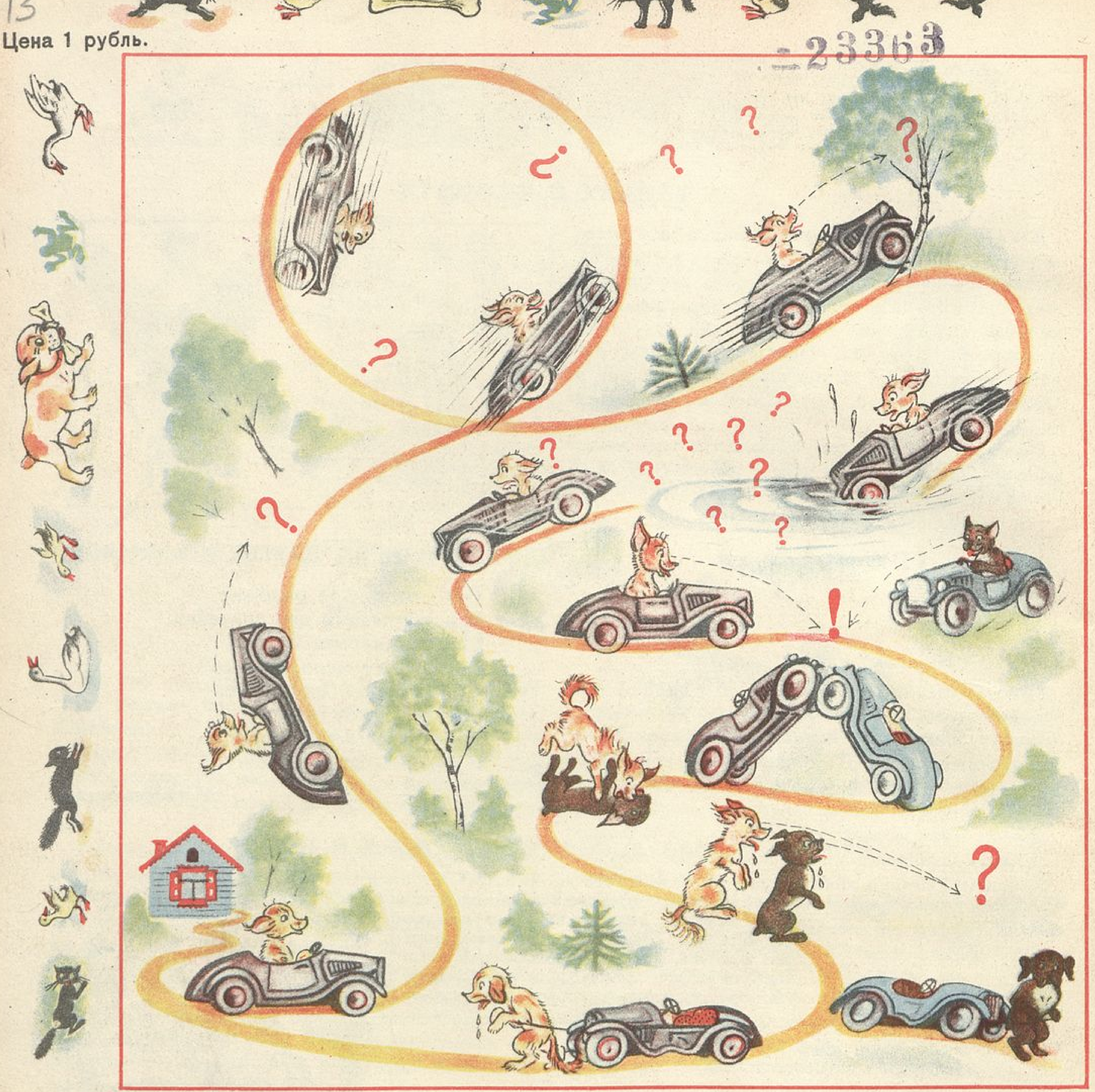

Рисунок Г. Якубович

Ранним утром Бобка сел в педальный автомобиль и отправился путешествовать.

Посмотрите на картинку. Видите дорогу, а на ней вопросительные знаки? Это места Бобкиных приключений. Если вырезать с полей этой страницы маленькие фигурки и наклеить их вместо знаков на дороге, можно узнать, какие приключения были у нашего героя и как кончилось его путешествие.

После того как фигурки будут наклеены на свои места, составьте по этой картинке рассказ и пришлите в редакцию.

Лучшие рассказы будут напечатаны в журнале.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 0-58-77 и К 4-97-22.

Художественный редактор В. Житенев.

Корректоры *З. Молодык* и *А. Сапелкина.*

Сдано в набор 22/VIII 1940 г. Подписано к печати 9/X 1940 г. Объем $2^1/_2$ печ. л. Ст.-формат 93 × $120^1/_{16}$ листа.
А32722. Детиздат № 2763. Заказ № 1420. Тираж 250 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.